Александр Гавриилович ПАСТУХОВ

«ОТРАЖЕНИЕ» ДИСКУРСА: НАСКОЛЬКО ОПРАВДАНО ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ПОНЯТИЯ "МЕДИЙНЫЙ ДИСПОЗИТИВ"?

В работе рассмотрены этапы возникновения и конституирования понятий «медиадискурс» и «медийный диспозитив». Термин «диспозитив» не так давно появился в теории коммуникации и медиалогии и выступает категорией высшего порядка по отношению к понятию «дискурс». Отмечается, что медийный диспозитив обнаруживает важные взаимопроникновения в социальные практики в XXI веке, связанные функционированием власти и продвижением медиа в новых коммуникативных средах.

Ключевые слова: *массмедиа, дискурс массмедиа, медийный диспозитив, социальная практика, дискурсивная практика, медиатекст*

Aleksandr G. PASTUKHOV

«REFLECTING DISCOURSE»: IS THE CONCEPT 'MEDIA DISPOSITIF' ANALYTICALLY EXPEDIENT?

The paper discusses the interrelations of media discourse and media dispositif. The term 'dispositif' has appeared in the communication theory and media studies as a category of a higher order and as opposition to the 'discourse'. The media dispositif has important interpenetrations in social practices in the 21st century that highlight the functioning of state power and promotion of media texts in new communication environments.

Key words: *mass media, mass media discourse, media dispositif, social practice, discursive practice, media text*

Введение. Исследовательская перспектива vs. исследовательский стиль

Существует совсем не много понятий, которые ныне активно используются в современной гуманитарной науке. Одним из них, несомненно, является понятие *дискурса*. Отчасти это связано с тем, что современная наука в целом и её гуманитарные отрасли, в частности, имеют определённую склонность время от времени совершать тот или иной «поворот»: сравн.: «*прагматический поворот*» (pragmatic turn), «*знаковый поворот*» (iconic turn), «*пространственный поворот*» (spatial turn). Среди таких поворотов понятие дискурса выглядит наиболее стабильным и достаточно адекватным. Оно позволяет расставлять новые акценты в изучении языковых, социальных, политических и других явлений. Одновременно оно стимулирует и обеспечивает достаточно широкий охват ранее выдвинутых научных концепций, которые могут быть сфокусированы в дискурсивном поле, что заметно по ряду различительных оснований.

То, что медиа существенно изменяют нашу жизнь, да и весь

окружающий мир, не подлежит сомнению. Это обстоятельство ставит систему современных медиа в ряд важнейших общественных институтов. Специализированные исследования в медиасфере являются относительно новыми и характеризуются самыми разнообразными подходами (Altheide & Snow, 1988; Gumpert & Cathcart, 1990; Mazzoleni & Schulz, 1999; Schulz, 2004; Donges, 2005). Заметный акцент (преимущественно зарубежными учёными) ставится на преодолении терминологических несоответствий, т.к. в ряде случаев не всегда ясно, о *каком* феномене идёт речь, *как* и *что* следует называть (Krotz, 2008; Stöber, 2008; Mazzoleni, 2008). У российских медиаисследователей также, в свою очередь, возникают вполне оправданные вопросы, связанные с необходимостью внесения уточнений или, вернее, более «тонкой настройки» терминологического аппарата, которая назрела, по-видимому, уже давно. Больше того, задача состоит в том, чтобы привнести в анализ должную ясность и определить перспективы релевантных медиатеорий, которые позволяли бы оценить максимум возможных последствий и отграничений, существующих в отечественном поле медиалогии (Пастухов, 2018: 181).

Теория дискурса, как созидательный и созидаемый ресурс, а также как форма социальной практики не только репрезентирует и изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, но и рассматривается как арена действия социальных практик и структур (Пастухов, 2006: 96). Дискурс находится в множественных диалектических отношениях с разнообразными социальными измерениями, и медиа (журналистика, связи с общественностью и т.п.) являются хорошим примером такой дискурсивной практики, т.к. представляют собой дискурсивные структуры, нередко оспаривают их, даже если находятся вне самой структуры (Fairclough, 1992: 66).

Учитывая многочисленные определения дискурса, общим местом остаётся вопрос о том, как дискурсивная тематика реализуется на фоне конвенциональных попыток её уточнения. В данной статье мы намерены, хотя бы отчасти, ликвидировать этот дефицит, т.е. рассмотреть позиции, представленные в общей теории дискурса, а также по возможности ввести в оборот новые понятия, связанные с её актуализацией и дальнейшим усовершенствованием, расширением медиалингвистического инструментария и его практическим использованием (Пастухов, 2014: 94).

Для организации и структурирования работы в качестве дистинктивного эвристического подхода мы предлагаем рассмотреть такие понятия как *исследовательская перспектива* и *исследовательский стиль*, которые, кроме собственно научных, являются детерминантами большого количества качественно ориентированных исследовательских методик. Следует, однако,

оговориться, что оба термина не так просто поддаются определению (Flick, 1995: 28; Flick/Kardorff/Steinke, 2004: 18, Mruck/May, 2005 и др.). В исследовательской перспективе, например, заключены цели, стандарты, позволяющие очертить возможный теоретический фундамент, в пользу которого свидетельствуют соответствующие методологические стратегии, претендующие, как результат, на своё гипотетическое применение. Такому всеобъемлющему, но весьма специфично коннотируемому термину – *исследовательская перспектива* – противопоставлено другое сложно дефинируемое понятие *исследовательского стиля*. Оно используется в ряде т.н. качественных исследований (*Qualitätsforschung*), но, по понятным причинам, ограничено своей, весьма слабой стандартизацией. При этом оно остаётся достаточно формализованным, т.к. сочетает в себе прагматику исследования со скрытым в ней содержанием.

Следует подчеркнуть, что понятие *исследовательского стиля* больше отражает собственно теоретическую направленность объекта исследования, а также связанные с ним практические результаты. При обращении к предмету исследования уже отмеченная нами исследовательская прагматика представляет собой реализацию подхода, включающего в себя комплекс вопросов обработки данных, их оценку, формулирование выводов.

В бóльшем приближении *исследовательская перспектива* открывается как онтологическое обоснование понятийно-теоретических постулатов, которые вполне приемлемы для анализа дискурсов, и которое, в понимании Л. Флека (Fleck, 1935), должно подпитываться соответствующими исследовательскими подходами. Забегая вперёд, скажем, что при оценке концептуальных различий, термины «дискурс-анализ», равно как и «анализ диспозитива» не будут выглядеть независимыми методами по отношению к уже известным «регулируемым» или, наоборот, «искажённым» методологическим процедурам. Вот почему анализ диспозитива *(Dispositivanalyse)* следует понимать, прежде всего, как метод, который в значительной мере определяет стиль исследования, т.к. базируется на одноимённом концепте – диспозитива (*Dispositivkonzept*).

Таким образом, наш исследовательский репертуар в значительной мере детерминирован диспозитивно-аналитическими факторами, находящимися во взаимосвязи с *исследовательской перспективой*. Последняя (не без известной доли рекурсии) опирается на гуманитарные (концептуальные) сферы знания, при этом формулируется и уточняется снова и снова. Под *исследовательским стилем* принято понимать совокупность исследовательских перспектив и вытекающих отсюда методологических приёмов, которые входят в неё и адаптируют приспосабливаемые для этого исследовательские инструменты. В методико-практическом плане

(например, обработка данных) они рассматриваются шире, как возможность их активного использования или, по крайней мере, в определении границ конкретного исследования.

На практике исследовательский стиль приобретает характерные черты, если он оформляет коммуникативную ситуацию в указанных рамках, либо использует соответствующий инструментарий и стратегии. В ходе нашего исследования мы адаптируем и модифицируем только те максимы, в которых указанная постановка вопроса затрагивает организацию эмпирического процесса, но при этом не является постоянной, а, наоборот, выступает регулярно обновляемой, изменяемой, динамической переменной, иными словами, дискурсивной, что объективно ведёт к объективному расширению всего исследовательского поля (Spitzmüller/Warnke, 2011: 77). Это, возможно, приближает нас к пониманию концепта диспозитива, к введению его в теоретическую и методологическую дискуссию и одновременно даёт основания реконструировать старый спор о понятии диспозитива, а с ним, выяснения основных путей в его изучении (Майоров, 2015: 145).

Итак, что же такое диспозитив?

Диспозитив

Если дискурсы представляют собой медиальные образования знания, то медиа, а с ними и медиальные дискурсы, являются подходящим объектом для более предметного анализа. В этом смысле связка «диспозитив – власть – медиальность» не является предметом методологической и теоретической рефлексии абсолютно для всех дисциплин (Bührmann/Schneider, 2012), поэтому понятие ***диспозитива*** (от франц. *Dispositif = устройство, расположение, машина, аппарат* (Dammann, 2002: 6)) обсуждается в режиме уточняющих определений, но, прежде всего, как ***устройство*** (dispositif), ***диспозиция*** (disposition, dispositio), ***расположение***. Это также и ***аппарат***, определённого вида *машина* или даже «машинерия». В античной риторике диспозитив, как известно, означал вторую фазу подготовки публичной речи, а именно, составление её плана, со-расположения отдельных элементов (Grampp, 2016: 37).

Впоследствии у французского термина *dispositif*, который имел решающее значение в создании в 1970-х гг. одноименной концепции, появляются дополнительные семы: *объединение, сплав, амальгама*; они до сих пор используются в отношении производных, иных, но при этом ярко выраженных «частей значения» (Albera/ Tortajada, 2015: 21).

Стремление к охвату диспозитивной теорией разнообразных концепций позволило М. Фуко обосновать значение и повысить роль этого термина. Выходя за рамки анализа конкретного дискурса, это позволило ему «схватить» это тесное переплетение, показав при этом сущностную взаимозависимость множественных родственных

концепций (Spieß, 2012). В разное время и с разным успехом в определении диспозитива исследователи после М. Фуко находят в нём не только ***что***, но и ***как***, не только то, что ***есть***, что «прямо перед нами», что мы наблюдаем, но и то, с помощью чего мы мыслим, т.е. особый ***метод***. Диспозитив закрепил за собой идеальную точку мысли, орудие, позволяющее изучать не только «безумие», «заключение» или «сексуальность», но и всякую неупорядоченную (сингулярную) множественность социальных объектов, процессов, тел и сил (Цит по: Подорога, 2008: 34-35).

В переводческой адаптации термина в других языках каждый из вариантов сумел породить своё «множество значений», оказав тем самым влияние на соответствующие предметные области. Это наглядно проявилось в англоязычном пространстве, где для французского *dispositif* стали функционировать два параллельных эквивалента: «*dispositive*» и «*device*», с различным или (частично) идентичным применением, но с явным инструментальным, медиальным и одинаково научным, концептуальным наполнением (Ritzer/Schulze, 2018: 4).

Если мы заглянем в этимологический словарь, то поймем, что, например, в немецком языке понятие *Dispositiv*, ведущее своё начало от лат. *Dispositio*, означало: ***Disposition*** = *Verfügung, Anordnung, Einteilung, Plan, Verfassung* или *Anlage (XVI в.)*. В дальнейшем оно отчасти поменяло своё значение и расширилось от: *Anordnung, Einrichtung, Indisposition* до отчасти негативного: *Verstimmung, Unpäßlichkeit, leichte Erkrankung (конец XVII в.)*. В конце XVIII в. немецкое прилагательное *disponibel* соответствовало *verfügbar*, а во французском языке к началу XIX в. противопоставлялось как: *disponible ↔ indisponibel (nicht verfügbar)*.

Впервые широкий междисциплинарный спектр концепции диспозитива стал ощущаться в 70-е гг. XX в. благодаря публикациям в журнале *Hermès*. (Сравн.: *„Le dispositif entre usage et concept“* Jacquinot-Delaunay/Monnoyer, 1999). В эти годы термин активно адаптируется в научный аппарат и интерпретируется французскими культурологами и исследователями медиа (М. Фуко, Ж. Делёз. Ж.-Л. Бодри, Ж. Коммоли) (Leister, 2002). Не случайно, что, как итог, на рубеже веков отмечалось его достаточно противоречивое использование в теории (Paech, 1997). В дополнение к теоретическим пролегоменам, которые были в основном социально-научного свойства, внимание исследователей привлекло «действие» конкретных диспозитивов, например, телевидения, учебников для школы и т.п., которые рассматривались как диспозитивные механизмы. При этом наибольшее расширение термина произошло в части постулирования *«диспозитивного (пост)постмодернизма»,* которое заключало в себе опасность создания «единого концепта, который удовлетворил бы всех». На это

указывают А. Бюрман и В. Шнайдер в своём известном, выдержавшем два стереотипных издания, труде «*Vom Diskurs zum Dispositiv. Eine Einführung in die Dispositivanalyse*» (Bührmann/Schneider, 2012: 13). В нём отмечается также, что адаптация идей французских структуралистов в США амальгамировалась в виде термина *аппаратная теория* (apparatus theory) (Hak Kyung Cha, 1980; Rosen, 1986; Caroll, 1988). Таким образом, к концу 1980-х гг. стало очевидным и значимым повсеместное использование этого термина. Однако в Германии учёные смогли «переварить» лишь часть французской теории (Hans, 2001).

Введение понятия *диспозитив* в современную теоретическую и методологическую дискуссию расширило сферы применения классического *дискурс-анализа* и обеспечило определённый уровень новаторства не только в исследованиях дискурса, но и в других дисциплинах (например, медиаисследованиях, подвергающихся постоянному научному переосмыслению) (Kumiega, 2012: 25).

Дело в том, что под *диспозитивом* М. Фуко понимал довольно объёмную, общественно значимую, регулирующую восприятие фактов действительности конструкцию. Возникающие в результате этого или создаваемые искусственно диспозитивы восприятия (объективно и невероятно!!!) будут находиться в тесной взаимосвязи с общественным устройством, т.е. ***властью***. Не случайно, что в толковании диспозитива Фуко выделяет одно из его решающих качеств: отношения *власти/господства*. Диспозитив, если сказать иначе, это *власть в действии*, или власть в момент действия диспозитива. М. Фуко пишет: «Диспозитив власти, как *инстанция-продуциент* дискурсивной практики», регулирует, как действуют общественное значение нормального и ненормального, как функционируют понятия: *знание, правда, сексуальность*, как они оцениваются в обществе. При этом нас интересует не только их манифестации или собственно общественное значение, сколько реализация в социальных практиках (законах, ритуалах, образовании), в других институциональных проявлениях.

В наше время инструментальное проникновение понятия *диспозитив* в теорию воспринимается столь же неоднозначно, сколь и критично, т.к. одразумевает различные сущностные денотаты или различные уровни восприятия. Их насчитывается три и нацелены они на *диспозитивное* представление объекта исследования в виде трёх смысловых уровней.

На ***первом*** уровне объективно сосредоточены т.н. «экстенсиональные» основы диспозитива, т.е. тот «решительно гетерогенный ансамбль, включающий в себя обсуждения, учреждения, архитектуру, регламентирующие решения, законы, административные мероприятия, научные высказывания, философские, моральные, в т.ч. и не «протранслированные» в пространстве (Foucault, 1978: 119). Это

означает нахождение диспозитива в некоем ***технико-пространственном расположении***, которое связывало бы читателя, зрителя, слушателя с определённым порядком вещей так, чтобы оценить (оттенить) их восприятие ситуации в этом конкретном технико-пространственном (медиальном) со-расположении.

На ***втором*** (институциональном) уровне диспозитив представляет собой ***сеть***, «которая может существовать между этими элементами» (Foucault, 1978: 119). В ней указанные субъекты не существуют независимо друг от друга, а объединены в определённую структуру («сеть»), причем не как простая сумма элементов, а как единство, с указанием на источник и/или катализатор этой связи. ***Институциональные рамки*** и акцент на социальном аспекте пространственного восприятия придают диспозитиву, кроме собственно пространственного момента, состоящего из комплекса технических, институциональных, экономических, административных, правовых и идеологических факторов, особое со-расположение. Диспозитив в этом смысле является отражением условий производства конкретного механизма восприятия, выходящего за рамки индивидуального или массового, представляют собой, выражаясь современным языком, некое символическое уплотнение всеобъемлющих социальных структур.

На ***третьем***, т.н. «стратегическом» уровне, отражены правила, по которым формируется сеть. Как было сказано выше, значение этого уровня заключается в рефлективной функции, суть которой – «ответ на некоторую неотложность» (Foucault, 1978: 119). В ней перспективируется возможное развитие событий, в т.ч. ***вопросы власти***, которые более или менее явно заключены в сути диспозитивной теории. Аспекты власти, реализуемые в сети, ансамбле, включают в себя такие элементы, как институты, методы, правила, административные регламенты, договорённости и т.п. Они определённым образом соединяют и упорядочивают пространство, так что даже беглый взгляд позволяет понять, как создаются эти элементы и какой цели служат. Таким образом, диспозитив – это, прежде всего, реализация властно-стратегической функции.

В то же время, сочетание этих трёх подходов встречается редко; исследователь скорее будет находиться в рамках одного из них. Ж. Делёз даёт уточняющее описание ***диспозитива***: «…переплетение нитей (*клубок, écheveau*), мультилинеарный ансамбль, который образуется из линий различной природы. В диспозитиве они не обрисовываются или подчиняются системам, но каждая из них гомогенна объекту, субъекту, языку и т.п. Эти линии следуют направлениям, оставляют после себя следы неравновесного процесса, они сближаются, либо удаляются друг от друга. Таким образом, на первый план выходит линейность, множественная линеарность, т.е. то,

что Делёз, вместе с Ф. Гваттари, обозначал как *ризоматический* принцип организации гетерогенного множества (Deleuze/Guattari, 1981).

Заметим далее, что своеобразие до- и постфукианской позиции Делёза заключается ещё и в том, что он пытается представить метод диспозитива власти ретроспективно, соотнеся его с этапами становления мысли Фуко. В этом случае диспозитив оказывается почти ни в чём неотличим от ризомы-карты. Вместо фигур, дистанций, границ, разрывов, «пустот» и т.п. (терминологии, использовавшейся Фуко) Делёз вводит игру линий, ничем не ограниченную и имеющую мало отношения к фукианским темам «истины». При этом рассматриваемые *диспозитивы* у Фуко весьма условны: сравн.: *«изоляции»* (1962), *«технологии пыточной казни»* (1973), *«паноптического видения»* (1975), археологии *«медицинского взгляда»* (1967), *сексуальности* (1976), ставшие стратегиями видимого/невидимого и в значительно меньшей степени отношением высказанного/невысказанного (См.: Подорога, 2008: 36).

Формирование единичного (одного) диспозитива означает деформацию других, предшествующих ему. При таком подходе на передний план выходит аспект ***власти***, отчего справедливо спросить, кто стоит за формированием диспозитива, ведь Фуко пишет о власти как «стратегии без основополагающих стратегов» (Foucault, 1978: 132). Повторим, что ***диспозитив*** – есть властно-стратегический ансамбль множественных дискурсивных и недискурсивных элементов. Благодаря пониманию метафоры ‘*власть*’ как сети, связь между дискурсами, или шире, между диспозитивами и медиа / медиальностью может восприниматься как абсолютно продуктивная, но при этом условная. Для этой связи, как никогда раньше, необходим поиск фактических доказательств, а с ними возможных комбинаций форм и функций этой структуры (Dreesen/Kumięga/Spieß, 2012: 10).

В понимании *медиальности* как среды Фуко детально разбирает концепт власти (‘*Власть*’, ‘*Macht*’ (нем.), ‘*power*’ (англ.)), которую он понимает не просто как ограничивающую силу, а как необходимую и продуктивную структуру отношений:

> Der Grund dafür, daß die Macht herrscht, daß man sie akzeptiert, liegt ganz einfach darin, daß sie nicht nur als neinsagende Gewalt auf uns lastet, sondern in Wirklichkeit die Körper durchdringt, Dinge produziert, Lust verursacht, Wissen hervorbringt, Diskurse produziert; man muß sie als ein produktives Netz auffassen, das den ganzen sozialen Körper überzieht und nicht so sehr als negative Instanz, deren Funktion in der Unterdrückung besteht (Foucault, 1978: 35).

Таким образом, диспозитив противопоставляется классическим универсалиям, категориям, рациональным сущностям, т.к. устанавливает важнейшие сетевые связи между вышеупомянутыми элементами. Подтверждение этого находим у интерпретатора М. Фуко

Дж. Агамбена. Он пишет, что диспозитив у Фуко есть сеть, устанавливающая связь между элементами общества, обладающая стратегической функцией, в которой она противопоставляется конкретной необходимости (Agamben, 2008: 17) и служит целям сохранения власти, укреплению общественного статуса, исключению любого недопонимания. В опубликованной по-русски книге (Агамбен 2012) в разделе «Что такое диспозитив?» автор пишет об «археологии рождения диспозитивного мышления» (2012: 9), которое включает в себя учреждения, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения (Агамбен, 2012: 14).

Подытоживая, можно сказать, что современные цели *диспозитива* – поместить человека в социальные процессы, которые заранее обусловлены определённой традицией, где важной становится не эпистемологическая парадигма, а практическая активность, выражающаяся в непосредственном реагировании на ту или иную ситуацию. Другой смысл диспозитива заключается в его отождествлении с вещью, обладающей способностью захватывать, ориентировать, определять, пресекать, моделировать, контролировать и гарантировать поведение, мнения и дискурсы живых людей (Агамбен, 2012: 26).

Не случайно поэтому, что наиболее важными на настоящий момент являются не собственно сетевые (в понимании Фуко) взаимодействия различных уровней, на базе которых формируются и формулируются общественные нормы и ценности, а то, как они реализуются в обществе и влияют на него. Иными словами, концепция диспозитива становится всё более актуальной, не в последнюю очередь, благодаря тому, что диспозитив (власти) специфически перенаправляет субъекта на контроль их поведения, на приведение его к разумению, при котором субъекты (акторы) были бы в состоянии контролировать своё поведение, но опять же в угоду собственным интересам (власти).

Определение диспозитива

Как мы уже отмечали, А. Бюрман и В. Шнайдер (Bührmann/Schneider, 2012) достаточно чётко показали взаимоотношения между дискурсами и диспозитивами, нормирующими порядки знания. Нормы и ценности конструируемых областей находят своё выражение в архитектуре контроля и наблюдения, подобно тому, как субъект диспозитива направляет и контролирует способы этого восприятия. Отчасти эти процессы имеют бессознательную природу и, следовательно, воспринимаются естественно. Существует, правда, другая опасность – перенести подобные оценки на более общее понимание, или, вернее сказать, на сам конструкт диспозитива, на его универсальную оценку

общественной конструкции или инстанции восприятия, даже если Фуко явно и не говорил об этом.

Понятие *диспозитива* накладывает отпечаток на любое расположение формы, способов, регулирующих отношения внутри одного медиа или одной культуры, а также всего того, как надо воспринимать, воспроизводить видимость, оставаясь при этом в тени (Deleuze, 1991: 154). Современное восприятие событий и новостей в большинстве случаев происходит бессознательно, и в публичной аудитории оно кажется совершенно естественным и само собой разумеющимся.

В связи с этим концепция диспозитива на сегодняшний день прочно закрепила за собой определенный эвристический аппарат, который представляет собой теоретическую конструкцию, вполне успешно реализующуюся в тексте. Это, в свою очередь, даёт исследователю медийных посланий в свете диспозитива чёткий отсыл к родственным теориям, отчего сама концепция вполне успешно могла быть интегрирована с другими культурно-теоретическими и культурно-историческими подходами. Таким образом, современное понимание *диспозитива* связывается, по меньшей мере, с двумя проявлениями, дефинирующими термин как: 1) *сеть* отношений между элементами, существующими в связке «знание – власть»; 2) *стратегические конфигурации знания и власти*, открываемые, формируемые и опосредуемые действующей медиасистемой.

Опираясь на вышесказанное, следует сказать, что дать всеобъемлющее определение диспозитива, весьма сложно. Предположительно оно должно содержать в себе обобщение множества теорий, поэтому под ***диспозитивом,*** учитывая все известные нам основания следует понимать: (1) пространственно-материальную структуру восприятия, (2) которая индицирует отношение реципиента к определённому «порядку вещей» так, что (3) его рецепция происходит значительно раньше, т.е. (4) она организована и (предварительно) зафиксирована, независимо от актуальной презентации контента, рефлексии отдельных артефактов или восприятий. Диспозитив обладает способностью транслировать (5) программируемое субъектное восприятие, которое (6) связано с техническими, институциональными, дискурсивными, административными факторами. Эти факторы (7) влияют на дизайн и форматы диспозитива, которые (8) интегрируются в виде Сети и содержат в себе комплексный проективный функционал, прежде всего, с точки зрения стратегии. В этом смысле (9) институты, программы, дискурсы, рецепция и объединённая властно-стратегическая сеть максимально сконцентрированы в виде цельной пространственно-материальной структуры. Заметим при этом, что диспозитив (10) является «постоянно нестабильным», т.е. (11) исторически

изменчивым и эфмерным, но (12) легко конвертируемым в другие диспозитивные констелляции, (13) со всей регулярностью комбинируемые друг с другом.

Анализ диспозитива: новый исследовательский инструмент?

Опираясь на понимание диспозитива как со-расположения дискурсов, власти и медиа, *анализ диспозитива* можно признать самостоятельным методом анализа. При этом мы не отказываемся от понятия дискурса, а расширяем его в плане действия собственно (диспозитивных) свойств:

> (…) ein entschieden heterogenes Ensemble, das Diskurse, Institutionen, architekturale Einrichtungen, reglementierende Entscheidungen, Gesetze, administrative Maßnahmen, wissenschaftliche Aussagen, philosophische, moralische oder philanthropische Lehrsätze, kurz: Gesagtes ebensowohl wie Ungesagtes (…). Soweit die Elemente des Dispositivs. Das Dispositiv selbst ist das Netz, das zwischen diesen Elementen geknüpft werden kann (Foucault, 1978: 119-120).

Если дискурсы считать едва ли не самой перспективной областью анализа, то следует уточнить, по крайней мере, два обстоятельства: во-первых, в чём состоит та фундаментальная работа, которая обуславливает необходимость теоретических разработок и поиска новых методологических приёмов. Во-вторых, важным остаётся выяснение места и роли методических и практических процедур, в которых были бы сформулированы эвристические перспективы и связанные с ними подходы, позволяющие получить ответы на вопросы:

1) В какой мере *диспозитив* соотносится с теорией дискурса и какие эпистемологические практики он опосредует?

2) Что скрывается за многоаспектным, но довольно размытым термином *анализ диспозитива*? Какие области знания соотносимы с концептом диспозитива? Какие когнитивные интересы вовлечены в этот процесс, и какие открываются перспективы?

3) В чём заключаются методологические основы теоретико-концептуальной ориентации в решении вопросов Возможного, «Другого» и т.п., т.е. каков на практике охват диспозитивного анализа и связанного с ним исследовательского стиля, по сравнению, например, с традиционными дискурсивно-аналитическими методами?

4) Каковы методологические возможности изучения диспозитива в исследовательской перспективе и как фокусируется интерес к самой концепции диспозитива? Насколько он может считаться прототипом для возникновения новых эмпирически-практических подходов?

Указанная матрица подтверждает наше наблюдение, что в постфукианских дискурсивных исследованиях интуитивно ощущается необходимость «захвата» определённо «большей дискурсивной практики» (Bührmann/Schneider, 2012), что предполагает перенос

диспозитива на исследования в других областях, например, в медиа. С привнесением концепта *«dispositif»* в научный аппарат медиалогии (Hickethier, 2010: 186-202), сам термин находит там своё распространение, далеко выходя за рамки медиаисследований, и получает в них весьма широкую трактовку. И даже если они (подходы) ограничены описанными выше диспозитивными концепциями, то в медиасреде само понятие диспозитива остаётся всё ещё достаточно сложным и считается весьма неоднородным концептуальным приложением.

Таким образом, суть дискурсивно-диспозитивных дебатов следует видеть не только в рефлексии повседневных практик, в рамках которых производится медийный продукт. Ещё они отмечены осознанием общего (институционального) фона производства сообщений, в связи с чем необходим охват как можно большего количества факторов. *Анализ диспозитива* (Dispositivanalyse) начинает претендовать на объективную, но при этом альтернативную возможность исследования журналистского поля в дискурсивном его понимании, отражающего важнейшие домены и объективации массового информирования.

Диспозитив в медиа (Медиадиспозитив)

В последние годы, несмотря на теоретические споры, концепция диспозитива становится всё более популярной. Она помогает структурировать интенсивно и весьма продуктивно развивающуюся структуру медийного поля, характерно очерчивает рамки (диспозицию) возможных постановок вопросов и способов изучения конкретного медиа, фиксирует методы в деятельности медийных организаций. Важно отметить, что в сути антропологии медиа связка «дискурс – диспозитив» воспринимается как устоявшееся положение вещей, изначальная и незыблемая данность.

Данная интенция множественно проявляется в способах медиавлияния; медиафиксация захватывает сложившееся положение вещей, позволяет легко конструировать основанные на процедуре исключения малозначимые или просто невидимые, но доминирующие кванты информации. Здесь мы снова находим подтверждение тезиса Фуко о неизбежности подобного конструирования и со-положения информирования (знания) со стратегиями власти. Иными словами, если мы имеем дело с медиакультурой, медиасообществом, медиалиянием (все эти имена не просто объекты описания медиареальности), то почти всегда опосредованно связаны с инструментами её конструирования, и, следовательно, с инструментами диспозитива, соединяющего знание о медиареальности и власть» (Петренко, 2015: 174). Последнее, правда, несколько ограничивает исследовательский потенциал диспозитива, но, тем не менее, делает его вполне адекватным оператором в медиаантропологических исследованиях. Больше того, в научной

практике концепция диспозитива выступает инструментом схватывания разнообразных линий, определяющих представления индивида о медиа, культуре, обществе и т.п., что представляет несомненную актуальность в рефлексии темы «Медиа и Человек».

Таким образом, в современном понимании диспозитивной концепции на первый план выходят две важные констелляции. Первая из них касается взаимоотношений между дискурсами и медиа, которые до сих пор ещё недостаточно обоснованы теоретически и неявно (или неоправданно) сводятся лишь к формированию корпусов текстов средств массовой информации. Другая ипостась касается взаимосвязи между дискурсами и властью, которая также у ряда авторов не редко ограничивается не-критическим анализом лингвистического дискурса (Wengeler, 2011).

В процессе субъективации, дефинируемой в социально-психологическом плане как социализация, постижение языка происходит на фоне её проникновения в дискурс, сначала в элементарный, а затем в систему интердискурсивных элементов и, наконец, в целые интердискурсы. Примером интердискурса вполне может служить медийный дискурс (Link, 2012: 54-55), роль которого устанавливается по преимуществу как аффективная и одновременно как конститутивная (Пастухов, 2016: 58-59). При этом «фундаментально-дискурсивный» характер диспозитива более наглядно проявляется в зазоре между антропологическими константами и исторической вариабельностью, вплоть до парадоксального тезиса о том, что определение подобных терминов в узком смысле означает «инвенцию окцидентального модерна» *(okzidentale Moderne)*. М. Фуко занимал по этому поводу более радикальную позицию, однако, не все его термины оказались универсальными. Сравн.: культурный диспозитив *(kulturelles Dispositiv)* (Link, 2012: 56).

Отметим далее, что выяснение отношений между индивидом, медиа и обществом определяет необходимость введения в научный обиход понятия ***медийный диспозитив***, которое, наряду с концептами «общество» и «культура», является наиболее близким к пониманию сути *медиа*. Использование медийного диспозитива, как понятия, в медиаисследованиях предполагает перенос интереса с собственно анализа средств массовой информации как носителей содержания на анализ медиа «как общественных и культурно-обоснованных механизмов восприятия» (Stauff, 2005: 126). В анализе медиареализаций важно, что не автор текста, и даже не сам текст выдвигается в центр внимания исследователя, а то, как они (само)расположены, как реализуются в них отдельные элементы (напр., институциональные, социальные или культурные) и какую роль они играют в создании конечного медиапродукта.

Продуктивность концепта *медийный диспозитив* вытекает из его «семантической, почти «метафорической» гибкости (Elsaesser, 2015: 67), из «стратегической открытости» (Distelmeyer, 2017: 51). Этот набор обеспечивает проекцию теоретической перспективы, а также её объектоцентрированность. В принципе, в медиалогии существуют два диспозитивных подхода разного масштаба: в них отдельные медиа – кино, радио, телевидение, компьютер и т.д. – моделируются как специфические технологические диспозитивы, в результате чего властные или тематические аспекты рассматриваются применительно к отдельным медиа[1]. С другой стороны, медиа могут восприниматься как элементы более широких диспозитивов, например, «телевидение как инструмент наблюдения, который охватывает действие институтов и реализацию соответствующих практик» (Stauff, 2005: 112).

Известно также, что концепция медийного диспозитива получила значительную подпитку из трудов Жана-Луи Бодри, который рассматривал технико-аппаратную природу кино как манипулятивный акт для зрителей. Медийные представления М. Фуко содержат соответствующие расширения термина *диспозитив* и распространяются на весь генеалогический репертуар: от обозначений изменчивой сети учреждений, дискурсов и практик до комплекса знаний. В то время как Бодри интерпретирует термин «медиа» и связывает его конкретно с кино, М. Фуко моделирует диспозитив как всеобъемлющую, взаимосвязанную и изменчивую категорию социально-исторического анализа, в связи с чем справедливо будет перейти к анализу производных конструктов в медиа, т.е. *медиажанров*. Последние, хотя и ускользают от чёткого определения, но всё же сохраняют неплохие возможности их классификации (возможно, даже в плане определения дискретных черт). Сама дискуссия о медиажанрах не затихает ни на минуту и даёт демонстрирует неплохие возможности систематизации, но всё же, несмотря на множество работ по указанной проблематике, существуют моменты, которые ещё требуют своей детальной проработки. Среди них вопрос о системных взаимосвязях жанра и диспозитива –абсолютный научный дезидерат (Stuhlmann, 2018: 45).

Кнут Хикетир, ссылаясь на комментарии Бодри о медийном диспозитиве, связывает это понятие, прежде всего, с восприятием. Хикетир чётко указывает на многообразие взаимосвязей и взаимозависимостей, которые образуют медийный диспозитив. В этом

[1] Если квалифицировать '*media*' как «СМИ», то такая позиция будет оправдана лишь в ограниченных случаях, т.к. «media» подразумевает скорее абсолютное дискурсивное пространство, включающее, например, блогосферу и социальные сети. При введении в научный обиход термина «новые СМИ» (что опять же не совпадает с понятием '*new media*'), сфера его использования заметно сужается и ограничивается только новыми формами бытования текстов. Все-таки вариант «новые медиа» представляется более корректным, хотя бы по причине множества уже приобретенных в русском языке коннотаций, что также не спасает термин от неточного понимания (Пастухов, 2015: 183).

смысле он указывает на такие основополагающие вещи, формирующие диспозитив *кино*: законы, архитектура, программные принципы, администрирование, жанры, ожидания зрителей, финансовые расходы и т.п. и имеющие первостепенное значение для данного диспозитива. В понимании диспозитива у М. Фуко, который сформулировал своё видение независимо от Бодри, но примерно в то же время, существуют, по крайней мере, два дополнительных расширения. Они снова и снова приводят к двусмысленности в восприятии всей диспозитивной теории, т.к. исследования Бодри и Фуко касаются подходов, смешение которых происходит весьма неумело (Grampp 2016: 42). Это существенно расширяет предмет исследования, ведь с точки зрения Фуко, не только медиа (кино, телевидение, радио или Интернет) могут быть проанализированы в своих диспозитивных канонах, но и «элементы сопряжения»: театральные залы, сады в стиле барокко, корабли, исповедальные, психиатрические клиники и даже тюрьмы.

Категории медийного диспозитива на основе учёта набора идентификационных критериев с новой силой свидетельствуют о необходимости классификации медиажанров как объединения необходимых и достаточных признаков (Kuhn, и др. 2013; Scheinpflug, 2014; Altman, и др. 1999). Таким образом, термин *медиадиспозитив*, хотя и имеет некоторую неопределённость (с этим связана сложность в его аналитическом использовании), вовсе не означает отказ от него как исключительно синонима технического инструмента, что кажется нам также неоправданным именно по причине его широкого «захвата», а также интуитивной понятности. И даже если практичность термина *медийный диспозитив* всё ещё не доказана, в массе медиакультурологических и медиалингвистических исследований едва ли найдется какой-либо другой термин, который в последние годы отражал бы сопоставимый объём конъюнктуры и который уже доказал свою адекватность и пригодность для повседневного использования (Spitzmüller/Warnke, 2011: 7).

В повышении эффективности и понимании сути медийных взаимодействий, внутренней логики смежных дисциплин оказывается, что принципы *медийного диспозитива* всё ещё весьма сильно отличаются от *дискурс-анализа* применительно к конкретным целям исследования. Концепция диспозитива оказывается едва ли не единственной гомогенной теорией, в которой это понятие следует понимать как расплывчатое и открытое, но при этом весьма продуктивное. В приложении к изучению гуманитарных дисциплин оно затрагивает философию, историю, литературу, социологию, политологию, образование, гендерные исследования и мн. др. Такая относительно высокая степень распространённости в сочетании с его семантической открытостью и ёмкостью в немалой степени обусловлены тем фактом, что и жанры, и диспозитивы «не являются

фиксированными онтологическими величинами» (Kuhn и др., 2013: 2). При этом это вовсе не означает, что они не материальны (Foucalt, 1981: 148). Объективно они содержат в себе общую стратегию обращённости к диспозитивным концепциям (Bührmann/Schneider, 2008: 14) и являются «продвинутым» термином, находящимся «в неопределённом, но максимально ёмком» (по типу, *One Concept*) виде, подходящем для большинства научных дисциплин.

Медиадиспозитив, как мы уже сказали, неплохо соотносится с современной жанровой концепцией и системой медиажанров. Реализация жанровых или диспозитивных схем, сама по себе, уже несёт в себе определённую аналитическую ценность. Тем не менее, наш главный тезис заключается в том, что уточнение понятия медийный диспозитив может способствовать добавлениям в теорию медиажанров, поскольку, как мы видим, оба они взаимосвязаны. В наши дни генеалогия понятия «медийный диспозитив» логично находит своё продолжение в дебатах об аппаратной теории, а также в тезисах К. Хикетира, которые с технологической точки зрения подтверждают важность, и, что примечательно, распространённость этого термина. М. Фуко здесь снова привлекается в качестве фиктивного свидетеля, правда, что в своём научном творчестве он не проявил какой-либо особой расположенности к изучению теоретико-медийных вопросов. Издатель работ М. Фуко Бернхард Дотцлер пишет, что «Фуко никогда не был медиа-учёным» (Dotzler, 2013: 319). Следует также констатировать, что научное восприятие концепции медиадиспозитива у Фуко в современных условиях позволяет переформулировать концепцию диспозитива так, что лишь три константы окажутся диспозитивно сформированными и обладающими при этом конститутивными свойствами: знание – власть – медиа. В диспозитивных конфигурациях этого треугольника традиционно интересующие нас медиажанры можно рассматривать как особую связь и способ ретрансляции между неродственными социокультурными сферами и, прежде всего, между знанием и медиа. Таким образом, медиадиспозитивы выполняют главную функцию трансляции практик медиа, что однозначно свидетельствует о выходе главного концепта – «диспозитив» – за пределы специфических черт медиасистемы.

Критика диспозитива

Нет сомнения, что на сегодняшний день термин *диспозитив* остается всё ещё слишком размытым. При этом он показывает, что, будучи всеобъемлющей сетью или рефлексией ситуации пространственного восприятия, он функционирует, прежде всего, как рецептивная ситуация, как выражение высших социальных отношений, как причина, почему реципиент именно так, а не иначе воспринимает мир. Часто остается неясно, что должен включать в себя диспозитив: только лишь наблюдение за непосредственным

пространственным нахождением или более широкие условия, такие как технологические устройства, отношение к институциям, технологиям, экономическим реалиям и т.п.

Как только исследователи медиа примерили на себя понятие диспозитива, то они надеялись на его более точное определение, а в области медиа на её почти бесконечное расширение. Поскольку наше восприятие немыслимо без пространства, то оно происходит ровно в той мере, насколько пространственные констелляции можно воспринимать как диспозитивные (взгляд из окна, суповая кухня, восход солнца в пустыне, клетка для птиц, поездка на лошади, туман над Боденским озером и т.п.). При этом следует заметить, что для науки, если для неё нет ограничений, то нет и конечного результата знания.

В анализе конкретного медиапродукта средствами диспозитива кажется, что содержание, например, «лёгкого фильма» не будет иметь значения для его восприятия зрителем: смотрим ли мы фильм по телевизору, где бы то ни было, на каком угодно экране, в черно-белом или цветном изображении и т.п. Также было бы неправомерно в понимании диспозитива ограничиваться узким пространственным восприятием, которое просто уничтожает этапы рецепции.

В качестве основной предпосылки к теории диспозитива, которая может быть применена к самой теории, является традиция выяснения природы различных эффектов диспозитивного, а не банального описания технологического устройства или властной сети. Удивительно, однако, что подобная постановка вопроса пока ещё не представлена в теории диспозитива. По крайней мере, сегодня для неё нет чётко различимых ориентиров. Это объясняется тем, что в эпоху дигитализации границы между диспозитивами технически становятся просто неразличимыми. Таким образом, вся диспозитивная теория объективно становится ограничителем для анализа и объяснения большинства «текущих» текущей ситуаций в медиа (Grampp, 2016: 47).

Медийный диспозитив: некоторые итоги

Подводя итоги, скажем, что концепция медийного диспозитива – это больше, чем просто «ниша», которая является сосредоточением «пустых» признаков дискурсивных стратегий. Чтобы иметь возможность фиксировать и продвигать исследовательские задачи в области медиа, необходимо привлечение постструктуралистско-дискурсивного подхода и всего того, что с ним связано. Диспозитивное исследование даёт иные ключи: теоретически плодотворное и эмпирически гибкое расширение подходов в исследовании дискурса в области гуманитарных наук обеспечивает решение ряда социальных проблем, делает их более понятными и, следовательно, более тесно связанными с дискурсивно-теоретической парадигмой. Связь между дискурсом и не-дискурсом, вопросы символических и материальных

объективаций, сведения об акторах или объектах дискурса дополняют вероятные решения, предопределяют необходимость комбинаций теоретических и эмпирических методов, которые в настоящее время активно прорабатываются учёными.

Примечательно, что медийный диспозитив, как инструмент, имеет своей целью объективно конструировать величины гораздо большего порядка, которые в медиальном общении становятся особо значимыми именно во взаимовлиянии между понятиями «техника – субъект». Эти отношения выстраиваются не обязательно на основе личного восприятия, хотя и исследуют процессы с точки зрения субъекта. Другие константы, такие как сила и власть, без сомнения, также оказываются определяющими наше медийное восприятие действительности. В этом смысле концепт медийного диспозитива можно считать перспективной медиакритической теорией, которая соединяет в себе осознанные и неосознанные механизмы медиакоммуникации, делает их зримыми, что в теоретическом приближении означает придание им более высокого сущностного статуса и их связеустанавливающее закрепление за общественно значимыми сферами влияния.

Понятие медийного диспозитива продвигается в науке о медиа уже довольно давно и базируется, как известно, на одноимённом концепте – *диспозитива*. В последние годы его приложения оказываются весьма показательными на примере деятельности практической журналистики, т.е. всего того, чем заняты сегодня современные медиа. Известно, что новые технологические решения изменяют журналистику и являются едва ли не главным драйвером в деятельности медиакомпаний. Другой чертой нынешнего периода развития журналистики всё же является известная неопределённость в отношении её социальных функций, ролей участников, журналистских форм и практик, а также используемых технологий и институциональных гарантий. Все эти аспекты с новой силой подтверждают необходимость продолжения дискуссии о том, какая журналистика нужна в будущем и чем она будет заниматься.

Список литературы:

Агамбен Дж. Что такое диспозитив? (пер. с итал. А. Соколовски) // Что современно? – К.: Дух і Літера, 2012. – С.13-44.

Майоров Н.В. Понятия дискурса и диспозитива в контексте медиаисследований // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – 2015. – №18 (215). – С. 145-148.

Пастухов А.Г. Теория Н. Фэрклоу и проблема реализации речевого жанра в триаде «текст – дискурсивная практика – социальная практика» // Альманах «Дискурс Пи». – Екатеринбург. – №6. – 2006. – С. 96-98.

Пастухов А.Г. Темы и социальные топики в медиадискурсе // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и

образования. Мат-лы I Межунар. науч.-практ. конф. БелГУ 1-4 апреля 2014 г. / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. – Белгород: Константа, 2014. – С. 93-106.

Пастухов А.Г. О границах медиа: новые медиа и новая медийная культура // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2015. – №1(64). – С. 182-188.

Пастухов А.Г. Вопросы интердискурсивности и селекция новостей // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом»: II Междунар. науч. семинар. Белгород НИУ "БелГУ", 5-7 окт. 2016 г.: сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД "Белгород" НИУ "БелГУ", 2016. – С. 57-67.

Пастухов А.Г. Институциональная логика современных медиа: к терминологическому разграничению понятий «медиатизация» и «медиализация» // Семиотическое пространство языка Лингвосемиотический анализ языковых явлений: монография; (под ред. А.И. Бочкарева, Е.Б. Скворцовой). – Т. 1 – Новосибирск: АНС «СибАК», 2018. – С. 181-199.

Петренко Д.В. Диспозитивы медиа: философско-антропологическое исследование // Гилея: научный вестник. (Киев). – 2015. – № 102. – С. 173-176.

Подорога В.А. Власть и сексуальность (тема диспозитива у М. Фуко). Наброски и комментарии // Синий диван. Философско-теоретический журнал. – 2008. – №12. – С. 34-48.

Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.– М.: Касталь, 1996. – 448 с.

Agamben, Giorgio: Was ist ein Dispositiv? – Zürich/Berlin: diaphanes, 2008.

Albera, François, Maria Tortajada. The Dispositive Does Not Exist! In Cine-Dispositives: Essays in Epistemology Across Media (Hrsg.) François Albera und Maria Tortajada. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. – pp. 21-44.

Altheide, David L. & Snow, Robert P. Toward a Theory of Mediation. In: J. A. Anderson (Ed.), Communication Yearbook 11. – Beverly Hills, CA: Sage, 1988. – pp. 194-223.

Altman, Rick: Film/Genre. – London: British Film Institute, 1999.

Bührmann, Andrea D., Schneider, Werner: Vom Diskurs zum Dispositiv. Eine Einführung in die Dispositivanalyse. 2., unveränd. Aufl. – Bielefeld: transcript Verlag, 2012. – 176 S.

Caroll, Noel: Mystifying Movies. Fads and Fallacies in Contemporary Film Theory. – New York: Columbia University Press, 1988.

Dammann, Günter: >Le dispositif< als >das Dispositive<. Bemerkungen zum Fall einer Nicht-Übersetzung. In: Tiefenschärfe. – 2002. – H. 2. – S. 4-6.

Deleuze, Gilles & Félix Guattari. Mille plateaux. – Paris: Minuit, 1981.

Distelmeyer, Jan: Machtzeichen: Anordnungen des Computers. - Berlin: Bertz + Fischer, 2017. 216 S. (Texte zur Zeit 7)

Donges, Patrick: Medialisierung der Politik – Vorschlag einer Differenzierung. In: Rössler, Patrick; Krotz, Friedrich (Hrsg.), Mythen der Mediengesellschaft – The Media Society and ist Myths. Konstanz: UVK, 2005. - S. 321-339.

Dotzler, Bernhard: Nachwort. Michel Foucault zur Medientheorie, ausgewählt und mit einem Nachwort versehen von B.J. Dotzler. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2013. – 319-330.

Dreesen P., Kumiega L., Spieß C. Diskurs und Dispositiv als Gegenstände

interdisziplinärer Forschung. Zur Einführung in den Sammelband / Dreesen P., Kumiega L., Spieß C. Mediendiskursanalyse. Diskurse – Dispositive – Medien – Macht. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 9-22.

Elsaesser, Thomas. Between Knowing and Believing: The Cinematic Dispositive after Cinema. In Cine Dispositives: Essays in Epistemology Across Media. (Hrsg.) Francois Albera und Maria Tortajada. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. – pp. 45-72.

Fairclough, Norman: Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992.

Fleck, Ludwik: Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv (hrsg. v. L. Schäfer & T. Schnelle). – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1980 (1935).

Flick, Uwe (Hrsg.): Handbuch qualitative Sozialforschung: Grundlagen, Konzepte, Methoden und Anwendungen. 2. Aufl. – Weinheim: Beltz, 1995. – 517 S. ISBN: 978-3-621-27835-5

Flick, Uwe, Ernst von Kardorff, Ines Steinke: Qualitative Forschung: Ein Handbuch. 3. Aufl. – Rowohlt-Taschenbuch-Verl., 2004. – 768 S. ISBN: 3499556286

Foucault, Michel: Dispositive der Macht. Über Sexualität, Wissen und Wahrheit. – Berlin: Merve, 1978.

Foucault, Michel: Schriften zur Medientheorie. – Frankfurt/Main, 2013.

Gnosa, Tanja: Re-Konfigurationen im Dispositiv: Genres als Erfolgsmodelle der Vermittlung kulturellen Wissens. In: I. Ritzer und P. W. Schulze (Hrsg.), Mediale Dispositive, Neue Perspektiven der Medienästhetik.– Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH, 2018. – S. 27-44 https://doi.org/10.1007/978-3-658-21264-3_2

Grampp, Sven: Medienwissenschaft. 1. Aufl. – Konstanz – München: UTB Verlag GmbH, 2016. – 260 S. (UTB basics, 4631)

Gumpert, Gary & Cathcart, Robert: Mediated interpersonal Communication: Toward a New Typology. In: (eds.) Gary Gumpert and Sandra Fish. Talking to Strangers. Mediated Therapeutic Communication. Vol. 46. Norwood, N.J. Ablex+, 1990.

Hak, Kyung Cha: Apparatus. Cinematographic Apparatus. Selected Writings (Ed.). – New York NY: Tanam Press, 1980. ISBN 0-934378-47-9

Hans, Jan: Das Medien-Dispositiv. In: Tiefenschärfe. – 2001. – H. 2. – S. 22-28.

Hickethier, Knut. Einführung in die Medienwissenschaft. 2. aktual. u. überarb. Aufl. – Stuttgart und Weimar: Metzler, 2010. – 400 S.

Jacquinot-Delaunay, Geneviève / Laurence Monnoyer: Avant-Propos. Genèse du numéro // Hermès. Le dispositif entre usage et concept. 1999. – (25). – pp. 9-14.

Krotz, Friedrich: Sind Medien Kanäle? Ist Kommunikation Informationstransport? Das mathematisch/ technische Kommunikationsmodell und die sozialwissenschaftliche Kommunikationsforschung. In: K.-S. Rehberg (Hrsg.), Die Natur der Gesellschaft: Verhandlungen des 33. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Kassel 2006. Teilbd. 1 u. 2. – Frankfurt am Main: Campus Verl., 2008. – S. 1044-1059 https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-152920

Kuhn, Markus et al. : Genretheorie und Genrekonzepte. In: Filmwissenschaftliche Genreanalyse: Eine Einführung. (Hrsg.) Markus Kuhn, Irina Scheidgen und Nicola Valeska Weber. – Berlin: De Gruyter, 2013. – S. 1-37.

Kumiega, Łukasz: Medien im Spannungsfeld zwischen Diskurs und Dispositiv / Dreesen P., Kumiega L., Spieß C. Mediendiskursanalyse. Diskurse – Dispositive – Medien – Macht. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – S. 25-45.

Leister, Oliver: »Das ist ein Dispositiv, das geht, es läuft!« In: Tiefenschärfe. – 2002. –

H. 2. – S. 7-9.
Link, Jürgen: Subjektivitäten als (inter)diskursive Ereignisse Mit einem historischen Beispiel (der Kollektivsymbolik von Maschine vs. Organismus) als Symptom diskursiver Positionen // Diskurs – Macht – Subjekt. Theorie und Empirie von Subjektivierung in der Diskursforschung / Reiner Keller, Werner Schneider, Willy Viehöver (Hrsg.) – Wiesbaden: Springer-Verlag, 2012. – S. 53-67.
Mazzoleni Gianpietro & Winfried Schulz: "Mediatization" of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication. – 1999. – Vol. 16. – Issue 3. – pp. 247-261.
Mazzoleni Gianpietro: Media Logic. In: The International Encyclopedia of Communication. (Ed.) W. Donsbach. – Malden MA: Blackwell, 2008.
Mruck, Katja / Mey, Günter: Qualitative Forschung: Zur Einführung in einen prosperierenden Wissenschaftszweig. In: Historische Sozialforschung, 2005. – 30(1). – S. 5-27.
Ritzer Ivo, Schulze, Peter W. Mediale Dispositive. In: Mediale Dispositive. Neue Perspektiven der Medienästhetik I. Ritzer und P. W. Schulze (Hrsg.), Wiesbaden Springer Fachmedien GmbH, 2018. – S. 3-24. https://doi.org/10.1007/978-3-658-21264-3_1
Rosen, Philip: (Hrsg.) Narrative, Apparatus, Ideology. A Film Theory Reader. – New York: Columbia University Press, 1986.
Scheinpflug, Peter: Formelkino : medienwissenschaftliche Perspektiven auf die Genre-Theorie und den Giallo. – Bielefeld : Transcript-Verl., 2014. –304 S.
Scheinpflug, Peter: Genre-Theorie. Eine Einführung. – Berlin: LIT Verlag, 2014. – 120 S.
Schulz, Winfried: Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept. In: European Journal of Communication 19. – 2004. – pp. 87-101.
Spieß, Constanze: Das Dispositiv als Erweiterungspostulat linguistischer Diskursanalyse – ein Vorschlag zur Analyse öffentlich-politischer Mediendiskurse. In: Dreesen, Philipp/ Kumiega, Lukasz/ Spieß, Constanze (Hrsg.): Mediendiskursanalyse. Diskurse – Dispositive – Medien – Macht. Wiesbaden 2012: Springer VS, 77-111. (Reihe Theorie und Praxis der Diskursforschung)
Spitzmüller, Jürgen, Warnke Ingo: Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. – Berlin, New York: De Gruyter, 2011.
Stauff, Markus: Das neue Fernsehen. Machtanalyse, Gouvernementalität und digitale Medien. – Hamburg: Lit, 2005. (Medienwelten. Braunschweiger Schriften zur Medienkultur 2)
Stöber, Rudolf: Kommunikations- und Medienwissenschaft. Eine Einführung. – München: C.H. Beck Verlag 2008. – 271 S.
Stuhlmann, Andreas: Dispositive (An-)Ordnungen und Genrekonfigurationen. In: (Hrsg.) I. Ritzer und P. W. Schulze. Mediale Dispositive: Neue Perspektiven der Medienästhetik. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2018. – S. 45-60.
Wengeler, Martin: Linguistische Diskursanalysen – deskriptiv, kritisch oder kritisch durch Deskription? In: Schiewe, Jürgen (Hrsg.): Sprachkritik und Sprachkultur. Konzepte und Impulse für Wissenschaft und Öffentlichkeit. – Bremen: Hempen, 2011. – S. 35-48.

Пастухов Александр Гавриилович – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры (г. Орёл), alexander.pastukhov@yandex.ru